

КЪ МЕДИ КЛАСС!

Аркадий
Аверченко

Светлана
Волкова

* Юлия
Евграфова

Александр
Егоров

Эдуард
Успенский

Вера
Гамаюн

Анна
Зимова

Виктор
Драгунский

Михаил
Зощенко

Елена
Пальванова

ЁЛКИ ЗЕЛЁНЫЕ!

Весёлые новогодние истории

Комеди Класс!

Виктор Драгунский

**Елки зеленые! Весёлые
новогодние истории, рассказанные
классными классиками и
классными современниками**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Драгунский В. Ю.

Елки зеленые! Весёлые новогодние истории, рассказанные
классными классиками и классными современниками /
В. Ю. Драгунский — «Издательство АСТ», 2022 — (Камеди
Класс!)

ISBN 978-5-17-151201-9

Как отметить новогодние праздники так, чтобы потом весь год вспоминать о них с улыбкой? В этой книге вы точно найдёте пару-тройку превосходных идей! Например, как с помощью бутылки газировки победить в необычном состязании, или как сделать своими руками такой подарок маме, которому ужаснётся обрадуется вся семья, включая кота, или как занять первое место на конкурсе карнавальных костюмов. Эти и другие весёлые новогодние истории рассказали классики и современники – писатели Аркадий Аверченко, Михаил Зощенко, Н. А. Тэффи, Виктор Драгунский, Эдуард Успенский, Анна Зимова, Юлия Евграфова, Александр Егоров, Светлана Волкова, Вера Гамаюн и Елена Пальванова. Рекомендовано для чтения в любое время года, но особенно – в декабре и январе.:)

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-151201-9

© Драгунский В. Ю., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Классные классики	6
Аркадий Аверченко	7
Аркадий Аверченко	12
Михаил Зощенко	19
Виктор Драгунский	25
Заколдованная буква	25
Ровно 25 кило	27
Кот в сапогах	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Аркадий Аверченко, Виктор
Драгунский, Эдуард Успенский и др
Ёлки зелёные!**

**Весёлые новогодние истории,
рассказанные классными классиками
и классными современниками (сборник)**

© Авторы, наследники, текст, ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

В оформлении обложки использованы рисунки *Юлии Межовой, Анны Сладковой, Светланы Соловьёвой*

Классные классики

Аркадий Аверченко
Продувной мальчишка
Рождественский рассказ

Художник *Анна Власова*

В нижеследующем рассказе есть все элементы, из которых складывается обычный сентиментальный рождественский рассказ: есть маленький мальчик, есть его мама и есть елочка, но только рассказ-то получается совсем другого сорта... Сентиментальность в нем, как говорится, и не ночевала.

Это – рассказ серьезный, немного угрюмый и отчасти жестокий, как рождественский мороз на севере, как жестока сама жизнь.

* * *

Первый разговор о елке между Володькой и мамой возник дня за три до рождества, и возник не преднамеренно, а, скорее, случайно, по дурацкому звуковому совпадению.

Намазывая за вечерним чаем кусок хлеба маслом, мама откусила кусочек и поморщилась.

– Масло-то, – проворчала она, – совсем ёлкое¹...

– А у меня елка будет? – осведомился Володька, с шумом схлебывая с ложки чай.

¹ Ёлкий — затхлый, прогорклый. – Здесь и далее примеч. ред.

– еще чего выдумал! Не будет у тебя елки. Не до жиру – быть бы живу. Сама без перчаток хожу.

– Ловко, – сказал Володька. – у других детей сколько угодно елков, а у меня, будто я и не человек.

– попробуй сам устроить – тогда и увидишь.

– Ну и устрою. Большая важность. еще почище твоей будет. Где мой картуз?

– Опять на улицу?! И что это за ребенок такой! Скоро совсем уличным мальчишкой сделаешься!.. Был бы жив отец, он бы тебе...

Но так и не узнал Володька, что бы сделал с ним отец: мать еще только добиралась до второй половины фразы, а он уже гигантскими прыжками спускался по лестнице, меняя на некоторых поворотах способ передвижения: съезжая на перилах верхом.

На улице Володька сразу принял важный, серьезный вид, как и полагалось владельцу многотысячного сокровища.

дело в том, что в кармане Володьки лежал огромный бриллиант, найденный им вчера на улице, – большой сверкающий камень, величиной с лесной орех.

На этот бриллиант Володька возлагал очень большие надежды: не только елка, а пожалуй, и мать можно обеспечить.

«Интересно бы знать, сколько в нем карат?» – думал Володька, солидно натянув огромный картуз на самый носишко и прошмыгивая между ногами прохожих.

Вообще, нужно сказать, голова Володьки – самый прихотливый склад обрывков разных сведений, знаний, наблюдений, фраз и изречений.

В некоторых отношениях он грязно невежествен: например, откуда-то подцепил сведение, что бриллианты взвешиваются на караты, и в то же время совершенно не

знает, какой губернии их город, сколько будет, если умножить 32 на 18, и почему от электрической лампочки нельзя закурить папироски.

практически же его мудрость вся целиком заключалась в трех поговорках, вставляемых им всюду, сообразно обстоятельствам: «Бедному жениться – ночь коротка», «Была не была – повидаться надо» и «Не до жиру – быть бы живу».

последняя поговорка была, конечно, заимствована у матери, а первые две – черт его знает у кого.

Войдя в ювелирный магазин, Володька засунул руку в карман и спросил:

– Бриллианты покупаете?

– Ну, и покупаем, а что?

– Свесьте-ка, сколько каратов в этой штучке?

– да это простое стекло, – усмехнувшись, сказал ювелир.

– Все вы так говорите, – солидно возразил Володя.

– Ну вот, поразговаривай тут еще. проваливай! – Многокаратный бриллиант весьма непочтительно полетел на пол.

– Эх, – кряхтя нагнулся Володя за развенчанным камнем. – Бедному жениться — ночь коротка. Сволочи! Будто не могли потерять настоящий бриллиант. Хи! Ловко, нечего сказать... Ну что ж... Не до жиру – быть бы живу. пойду, наймусь в театр.

Эта мысль, надо признаться, была уже давно лелеяна Володькой. Слыхивал он кое от кого, что иногда в театрах для игры требуются мальчишки, но как приняться за эту штуку – он совершенно не знал.

Однако не в характере Володьки было раздумывать: дойдя до театра, он одну секунду запнулся о порог, потом смело шагнул вперед и для собственного оживления и бодрости прошептал себе под нос: «Ну, была не была – повидаться надо».

подошел к человеку, отрывавшему билеты, и, задрав голову, спросил деловито:

– Вам мальчишки тут нужны, чтоб играть?

– пошел, пошел. Не болтайся тут.

подождав, пока билетер отвернулся, Володька протиснулся между входящей публикой и сразу очутился перед заветной дверью, за которой гремела музыка.

– Ваш билет, молодой человек, – остановила его билетерша.

– Слушайте, – сказал Володька, – тут у вас в театре сидит один господин с черной бородой. у него дома случилось несчастье – жена умерла. Меня прислали за ним. позовите-ка его!

– Ну, стану я там твою черную бороду искать – иди сам и ищи!

Володька, заложив руки в карманы, победоносно вступил в театр и сейчас же, высмотрев свободную ложу, уселся в ней, устремив на сцену свой критический взор.

Сзади кто-то похлопал по плечу.

Оглянулся Володька: офицер с дамой.

– Эта ложа занята, – холодно заметил Володька.

– Кем?

– Мною. Рази не видите?

Дама рассмеялась, офицер направился было к капельдинеру, но дама остановила его:

– Пусть посидит с нами, хорошо? Он такой маленький и такой важный. Хочешь с нами сидеть?

– Сидите уж, – разрешил Володька. – Это что у вас? программка? А ну, дайте...

Так сидели трое до конца первой серии.

– Уже конец? – грустно удивился Володька, когда занавес опустился. – Бедному жениться – ночь коротка. Эта программка вам уже не нужна?

– Не нужна. Можешь взять ее на память о такой приятной встрече.

Володька деловито осведомился:

– Почем платили?

– Пять рублей.

«Продам на вторую серию», – подумал Володька и, подцепив по пути из соседней ложи еще одну брошенную программку, бодро отправился с этим товаром к главному выходу.

Когда он вернулся домой, голодный, но довольный, у него в кармане вместо фальшивого бриллианта были две настоящие пятирублевки.

* * *

На другое утро Володька, зажав в кулак свой оборотный капитал, долго бродил по улицам, присматриваясь к деловой жизни города и прикидывая глазом – во что бы лучше вложить свои денежки.

А когда он стоял у огромного зеркального окна кафе, его осенило.

– Была не была – повидаться надо, – подстегнул он сам себя, нахально входя в кафе.

– Что тебе, мальчик? – спросила продавщица.

– Скажите, пожалуйста, тут не приходила дама с серым мехом и с золотой сумочкой?

– Нет, не было.

– Ага. Ну, значит, еще не пришла. Я подожду ее. – И уселся за столик.

«Главное, – подумал он, – втереться сюда. Попробуй-ка выгони потом: я такой рев подыму!...»

Он притаился в темном уголку и стал выжидать, шныряя черными глазенками во все стороны.

Через два столика от него старик дочитал газету, сложил ее и принялся за кофе.

– Господин, – шепнул Володька, подойдя к нему. – Сколько заплатили за газету?

– Пять рублей.

– Продайте за два. Все равно ведь прочитали.

– А зачем она тебе?

– Продам. Заработаю.

– О-о... да ты, брат, деляга. Ну, на. Вот тебе трешница сдачи. Хочешь сдобного хлеба кусочек?

– Я не нищий, – с достоинством возразил Володька. – Только вот на елку заработаю – и шабаш. Не до жиру – быть бы живу.

Через полчаса у Володьки было пять газетных листов, немного измятых, но вполне приличных на вид.

Дама с серым мехом и с золотой сумочкой так и не пришла. Есть некоторые основания думать, что существовала она только в разгоряченном Володькином воображении.

Прочитав с превеликим трудом совершенно ему непонятный заголовок: «Новая позиция Ллойд Джорджа»², Володька, как безумный, помчался по улице, размахивая своими газетами и вопя во всю мочь:

– Интер-ресные новости! Новая позиция Ллойд Джорджа – цена пять рублей. Новая позиция за пять рублей!!!

А перед обедом, после ряда газетных операций, его можно было видеть идущим с маленькой коробочкой конфет и сосредоточенным выражением лица, еле видимого из-под огромной фуражки.

На скамейке сидел праздный господин, лениво покуривая папиросу.

– Господин, – подошел к нему Володька. – Можно вас что-то спросить?..

– Спрашивай, отроче. Валяй!

– Если полфунта конфет – 27 штук – стоят 55 рублей, так сколько стоит штука?

– Точно, брат, трудно сказать, но около двух рублей штука. А что?

– Значит, по пяти рублей выгодно продавать? Ловко! Может, купите?

– Я куплю пару, с тем чтобы ты сам их и съел.

– Нет, не надо, я не нищий. Я только торгую... да купите! Может, знакомому мальчику отдадите.

– Эх-ма, уговорил! Ну, давай на керенку³, что ли...

Володькина мать пришла со своей белошвейной работы поздно вечером...

На столе, за которым, положив голову на руки, сладко спал Володька, стояла крохотная елочка, украшенная парой яблок, одной свечечкой и тремя-четырьмя картонажами⁴, – и все это имело прежалкий вид.

У основания елки были разложены подарки: чтобы не было сомнения, что кому предназначено, около цветных карандашей была положена бумажка с корявой надписью:

– «Дли Валоди».

А около пары теплых перчаток другая бумажка с еще более корявым предназначением:

– «Дли мам»...

Крепко спал продувной мальчишка, и неизвестно где, в каких сферах витала его хитрая купеческая душонка...

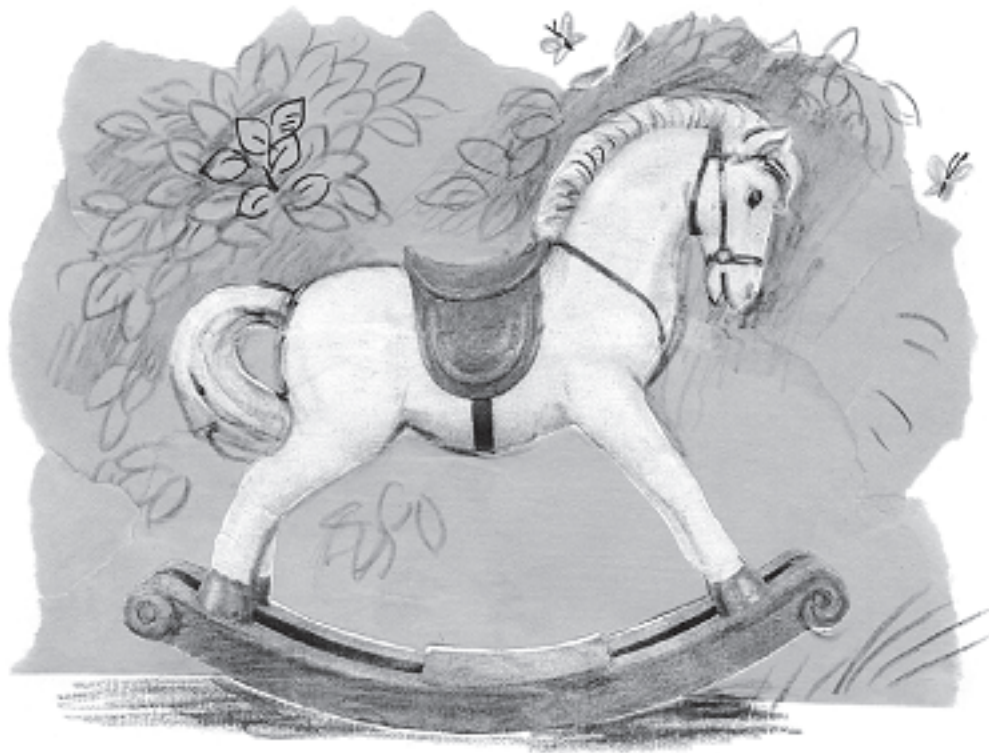
² Ллойд Джордж – премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год.

³ *Керенка, керенки* — так в народе называли бумажные деньги, имевшие хождение в России с 1917 по 1919 год (по фамилии министра А. Ф. Керенского).

⁴ *Картонаж* — картонная коробочка для конфет или других сладостей.

Аркадий Аверченко Рождественский день у Киндяковых

Художник *Анна Власова*

Одиннадцать часов. утро морозное, но в комнате тепло. печь весело гудит и шумит, изредка потрескивая и выбрасывая на железный лист, прибитый к полу на этот случай, целый сноп искр.

Нервный отблеск огня уютно бежит по голубым обоям.

Все четверо детей Киндяковых находятся в праздничном, сосредоточенно-торжественном настроении. Всех четверых праздник будто накрахмалил⁵, и они тихонько сидят, боясь пошевелиться, стесненные в новых платьицах и костюмчиках, начисто вымытые и причесанные.

Восьмилетний Егорка уселся на скамеечке у раскрытой печной дверки и, не мигая, вот уже полчаса смотрит на огонь.

На душу его сошло тихое умиление: в комнате тепло, новые башмаки скрипят так, что лучше всякой музыки, и к обеду пирог с мясом, поросенок и желе.

Хорошо жить. Только бы Володька не бил и, вообще, не задевал его. Этот Володька – прямо какое-то мрачное пятно на беспечальном существовании Егорки.

Но Володьке – двенадцатилетнему ученику городского училища – не до своего кроткого меланхолического брата. Володя тоже всей душой чувствует праздник – и на душе его светло.

Он давно уже сидит у окна, стекла которого мороз украсил затейливыми узорами, – и читает.

⁵ Кружевные воротнички и белые блузки полоскали в растворе крахмала. После полоскания одежда меньше мялась и пачкалась.

Книга – в старом, потрепанном, издавшем виды переплете, и называется она: «Дети капитана Гранта». перелистывая страницы, углубленный в чтение Володя, нет-нет да и посмотрит со стесненным сердцем: много ли осталось до конца? Так горький пьяница с сожалением рассматривает на свет остатки живительной влаги в графинчике.

Проглотив одну главу, Володя обязательно сделает маленький перерыв: потрогает новый лакированный пояс, которым подпоясана свеженькая ученическая блузка, полюбуется на свежий излом в брюках и в сотый раз решит, что нет красивее и изящнее человека на земном шаре, чем он.

А в углу, за печкой, там, где висит платье мамы, примостились самые младшие Киндяковы...

Их двое: Милочка (Людмила) и Карасик (Костя). Они, как тараканы, выглядывают из своего угла и всё о чем-то шепчутся.

Оба еще со вчерашнего дня уже решили эмансипироваться⁶ и зажечь своим домком. Именно – накрыли ящичек из-под макарон носовым платком и расставили на этом столе крохотные тарелочки, на которых аккуратно разложены: два кусочка колбасы, кусочек сыру, одна сардинка и несколько карамелек. даже две бутылочки из-под одеколона украсили этот торжественный стол: в одной – «церковное» вино, в другой – цветочек, – всё, как в первых домах.

Оба сидят у своего стола поджавши ноги и не сводят восторженных глаз с этого произведения уюта и роскоши.

И только одна ужасная мысль грызет их сердца: что если Володька обратит внимание на устроенный ими стол? для этого прожорливого дикаря нет ничего святого: сразу налетит, одним движением опрокинет себе в рот колбасу, сыр, сардинку и улетит, как ураган, оставив позади себя мрак и разрушение.

– Он читает, – шепчет Карасик.

– Пойди, поцелуй ему руку... Может, тогда не тронет. Пойдешь?

– Сама пойди, – сипит Карасик. – Ты девочта. – Буквы «к» Карасик не может выговорить. Это для него закрытая дверь. Он даже имя свое произносит так:

– Тарасит.

Милочка со вздохом встает и идет с видом хлопотливой хозяйки к грозному брату. Одна из его рук лежит на краю подоконника; Милочка тянется к ней, к этой загрубевшей от возни со снежками, покрытой рубцами и царапинами от жестоких битв, страшной руке... Целует свежими розовыми губками.

И робко глядит на ужасного человека.

Эта умиловительная жертва смягчает Володино сердце. Он отрывается от книги:

– Ты что, красавица? Весело тебе?

– Весело.

– То-то. А ты вот такие пояса видала?

Сестра равнодушна к эффектному виду брата, но чтобы подмазаться к нему, хвалит:

– Ах, какой пояс! Прямо прелесть!..

– То-то и оно. А ты понюхай, чем пахнет.

– Ах, как пахнет!!! Прямо – кожей.

– То-то и оно.

Милочка отходит в свой уголок и снова погружается в немое созерцание стола. Вздыхает...

Обращается к Карасику:

– Поцеловала.

– Не дерется?

⁶ Стать независимыми, самостоятельными.

- Нет. А там окно такое замерзнутое.
 - А Егорта стола не тронет? Пойди и ему поцелуй руту.
 - Ну вот еще! Всякому целовать. Чего недоставало!
 - А если он на стол наплюнет?
 - Пускай, а мы вытирем.
 - А если на толбасу наплюнет?
 - А мы вытирем. Не бойся, я сама съем. Мне не противно.
- В дверь просовывается голова матери.
- Володенька! К тебе гость пришел, товарищ.

Боже, какое волшебное изменение тона! В будние дни разговор такой: «Ты что же это, дрань паршивая, с курами клевал, что ли? Где в чернила убрался? Вот придет отец, скажу ему – он тебе пропишет ижицу⁷. Сын, а хуже босявки!»

А сегодня мамин голос – как флейта. Вот это праздничек!

Пришел Коля Чебурахин.

Оба товарища чувствуют себя немного неловко в этой атмосфере праздничного благочиния и торжественности.

Странно видеть Володе, как Чебурахин шаркнул ножкой, здороваясь с матерью, и как представился созерцателю – Егорке:

– Позвольте представиться, Чебурахин. Очень приятно.

Как все это необычно! Володя привык видеть Чебурахина в другой обстановке, и манеры Чебурахина, обыкновенно, были иные.

Чебурахин, обыкновенно, ловил на улице зазевавшегося гимназистика, грубо толкал его в спину и сурово спрашивал:

- Ты чего задаешься?
- А что? – в предсмертной тоске шептал робкий «карандаш»⁸. – Я ничего.
- Вот тебе и ничего! По морде хочешь схватить?
- Я ведь вас не трогал, я вас даже не знаю.
- Говори: где я учусь? – мрачно и величественно спрашивал Чебурахин, указывая на потускневший, полуоборванный герб на фуражке.

⁷ Прописать ижицу – строго наказывать.

⁸ Карандаши — прозвище гимназистов младших классов.

– В городском.

– Ага! В городском! Так почему же ты, мразь несчастная, не снимаешь передо мной шапку? Учить нужно?

Ловко сбитая Чебурахиным гимназическая фуражка летит в грязь. Оскорбленный, униженный гимназист горько рыдает, а Чебурахин, удовлетворенный, «как ТИГР (его собственное сравнение) крадется» дальше.

И вот теперь этот страшный мальчик, еще более страшный, чем Володя, – вежливо здоровается с мелкотой, а когда Володина мать спрашивает его фамилию и чем занимаются его родители, яркая горячая краска заливает нежные, смуглые, как персик, Чебурахинские щеки.

Взрослая женщина беседует с ним как с равным, она приглашает садиться! Поистине, это рождество делает с людьми чудеса!

Мальчики садятся у окна и, сбитые с толку необычностью обстановки, улыбаясь, поглядывают друг на друга.

– Ну, вот хорошо, что ты пришел. Как поживаешь?

– Ничего себе, спасибо. Ты что читаешь?

– «Дети капитана Гранта». Интересная!

– Дашь почитать?

– Дам. А у тебя не порвут?

– Нет что ты! (пауза). А я вчера одному мальчику по морде дал.

– Ну?

– Ей-Богу. Накажи меня Бог, дал. Понимаешь, иду я по Слободке, ничего себе не думаю, а он ка-ак мне кирпичиной в ногу двинет! Я уж тут не стерпел. Кэ-эк ахну!

– После Рождества надо пойти на Слободку бить мальчишек. Верно?

– Обязательно пойдем. Я резину для рогатки купил. (пауза). Ты бизонье мясо ел когда-нибудь?

Володе смертельно хочется сказать: «Ел». Но никак невозможно... Вся жизнь Володи прошла на глазах Чебурахина, и такое событие, как потребление в пищу бизоньего мяса, никак не могло бы пройти незамеченным в их маленьком городке.

– Нет, не ел. А, наверное, вкусное. (пауза). Ты бы хотел быть пиратом?

– Хотел. Мне не стыдно. Всё равно, пропащий человек...

– Да и мне не стыдно. Что ж, пират такой же человек, как другие. Только что грабит.

– Понятно! Зато приключения. (пауза). А позавчера я одному мальчику тоже по зубам дал. Что это, в самом деле, такое?! Наябедничал на меня тетке, что курю. (пауза). А австралийские дикари мне не симпатичны, знаешь! Африканские негры лучше.

– Бушмены. Они привязываются к белым.

А в углу бушмен Егорка уже, действительно, привязался к белым:

– Дай конфету, Милка, а то на стол плюну.

– Пошел, пошел! Я маме скажу.

– Дай конфету, а то плюну.

– Ну и плюй. Не дам.

Егорка исполняет свою угрозу и равнодушно отходит к печке. Милочка стирает передничком с колбасы плевки и снова аккуратно укладывает ее на тарелку. В глазах ее долготерпение и кротость.

Боже, сколько в доме враждебных элементов... Так и приходится жить – при помощи ласки, подкупа и унижения.

– Этот Егорка меня смешит, – шепчет она Карасику, чувствуя некоторое смущение.

– Он дурач. Тат будто это его тонфеты.

А к обеду приходят гости: служащий в пароходстве Чилибеев с женой и дядя Аким Семёныч. Все сидят, тихо перебрасываясь односложными словами, до тех пор, пока не уселись за стол.

За столом шумно.

– Ну, кума, и пирог! – кричит Чилибеев. – Всем пирогам пирог.

– Где уж там! Я думала, что совсем не выйдет. Такие паршивые печи в этом городе, что хоть на грубке⁹ пеки.

– А поросенок! – восторженно кричит Аким, которого все немного презирают за его бедность и восторженность. – Это ж не поросенок, а черт знает что такое.

– Да, и подумайте; такой поросенок, что тут и смотреть нечего – два рубля! С ума они посходили там на базаре! Кура – рубль, а к индюшкам приступу нет! И что оно такое будет дальше, прямо неизвестно.

В конце обеда произошел инцидент: жена Чилибеева опрокинула стакан с красным вином и залила новую блузку Володи, сидевшего подле.

⁹ Грубка — украинская деревенская печь с лежанкой.

Киндяков-отец стал успокаивать гостью, а Киндякова-мать ничего не сказала... Но по лицу ее было видно, что если бы это было не у нее в доме и был бы не праздник, – она бы взорвалась от гнева и обиды за испорченное добро – как пороховая мина.

Как воспитанная женщина, как хозяйка, понимающая, что такое хороший тон, – Киндякова-мать предпочла накинуться на Володю:

– Ты чего тут под рукой расселся! И что это за паршивые такие дети, они готовы мать в могилу заколотить. поел, кажется, – и ступай. Расселся, как городская голова! До неба скоро вырастешь, а все дураком будешь. Только в книжки свои нос совать мастер!

И сразу потускнел в глазах Володи весь торжественный праздник, все созерцательно-восторженное настроение... Блуза украсилась зловещим темным пятном, душа оскорблена, втоптана в грязь в присутствии посторонних лиц, и главное – товарища Чебурахина, который тоже сразу потерял весь свой блеск и очарование необычности.

Хотелось встать, уйти, убежать куда-нибудь. Встали, ушли, убежали. Оба. На Слободку. И странная вещь: не будь темного пятна на блузке – все кончилось бы мирной прогулкой по тихим рождественским улицам.

Но теперь, как решил Володя, «терять было нечего».

Действительно, сейчас же встретили трех гимназистов-второклассников.

– Ты чего задаешься? – грозно спросил Володя одного из них.

– Дай ему, дай, Володька! – шептал сбоку Чебурахин.

– Я не задаюсь, – резонно возразил гимназистик. – А вот ты сейчас макарон получишь.

– Я? – В голосе Володи сквозило непередаваемое презрение. – Я? Кто вас от меня, несчастных, отнимать будет?

– Сам, форсила несчастная!

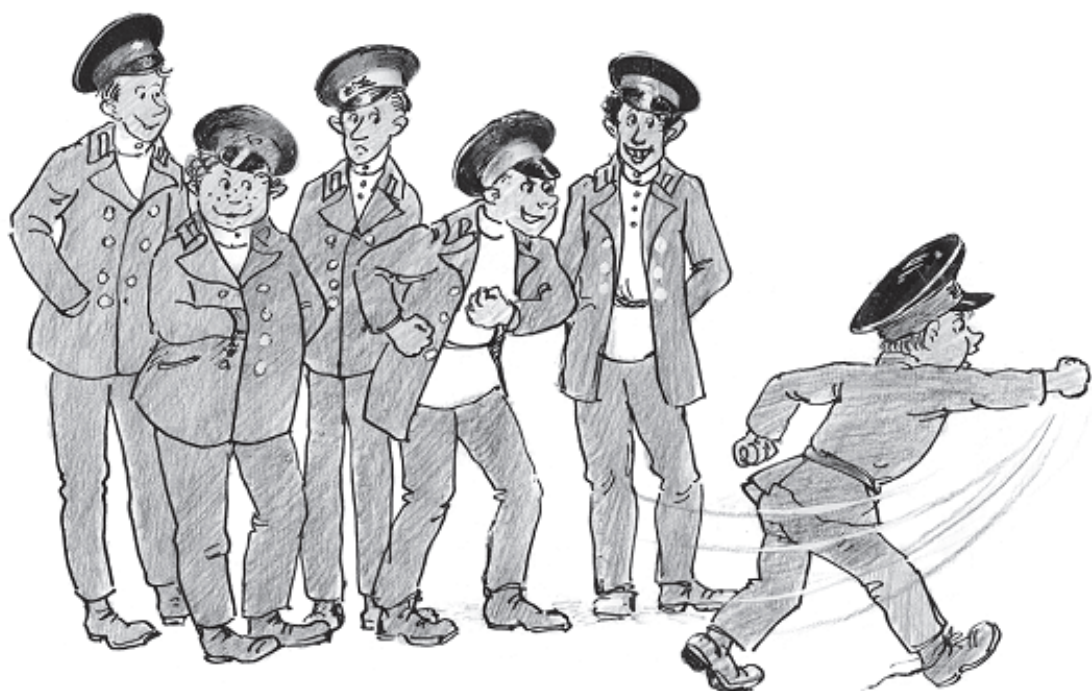
– Эх! – крикнул Володя (все равно, блуза уже не новая!), лихим движением сбросил с плеч пальто и размахнулся.

А от угла переулка уже бежали четыре гимназиста на подмогу своим....

– Что ж они, сволочи паршивые, семь человек на двух! – хрипло говорит Володя, еле шевеля распухшей, будто чужой губой и удовлетворенно поглядывая на друга затекшим глазом. – Нет, ты, брат, попробуй два на два... Верно?

– Понятно.

И остатки праздничного настроения сразу исчезли – его сменили обычные будничные дела и заботы.

Михаил Зощенко
Ёлка
(публикуется с сокращениями)

Художник Александр Андреев

Когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое елка.

И я с нетерпением ожидал этого веселого праздника. И даже в щелочку двери подглядывал, как моя мама украшает елку.

А моей сестренке Лёле было в то время семь лет. И она была исключительно бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

– Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдем в комнату, где стоит елка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестренкой Лёлей вошли в комнату. И видим: очень красивая елка. А под елкой лежат подарки. А на елке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестренка Лёля говорит:

– Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедим по одной пастилке.

И вот она подходит к елке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

– Лёля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к елке и откусываю маленький кусочек яблока.

Лёля говорит:

– Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе еще эту конфетку.

А Лёля была очень такая высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

– Если ты, Лёлища, съела вторую пастилку, то я еще раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю.

Лёля говорит:

– Если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел, потому что она могла до всего дотянуться, а я нет.

Я ей говорю:

– А я, Лёлища, как подставлю к елке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к елке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Лёля говорит:

– Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку. Тут раздались мамины шаги, и мы с Лёлей убежали в другую комнату.

Лёля говорит:

– Вот теперь, Минька, и не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на елке, открыла дверь и сказала:

– Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла елка.

Наша мама говорит:

– Теперь пусть каждый ребенок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И вот дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. потом снимала с елки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребенку.

И все дети были очень рады. потом мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

– Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Лёля сказала:

– Это Минькина работа.
Я дернул Лёлю за косичку и сказал:
– Это меня Лёлька научила.

Мама говорит:

– Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырехлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

– С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

– Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

– Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

– Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребенком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

– Я так и сделаю. С вами водиться – что в крапиву садиться.

И тогда еще одна, третья мама, сказала:

– И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестренка Лёля закричала:

– Можете тоже уходить со своим золотушным ребенком. И тогда кукла со сломанной рукой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

– Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошел наш папа.

Он сказал:

– Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И папа подошел к елке и потушил все свечи. Потом сказал:

– Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, я до сих пор хорошо помню эту елку.

Виктор Драгунский

Заколдованная буква

Художник *Ольга Смирнова*

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит елка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофер с нашим дворником стали елку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правей! Леvey! Становь ее на попа! Легче, а то весь шпиг¹⁰ обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту елку заактировать¹¹, – и ушел.

А мы остались возле елки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на елке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатились. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девочке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! умру от смеха! Ик!

¹⁰ *Шпиг* — имеется в виду верхушка елки.

¹¹ Подписать акт, документы о передаче.

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

у Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У нее зуб вывалился! у меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

*Ох, хыхечка зеленая,
Боюсь уколюся я.*

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шел домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

Ровно 25 кило

Художник *Ольга Смирнова*

Ура! Нам с Мишкой дали приглашенный билет в клуб «Металлист», на детский праздник. Это тетя Дуся постаралась: она в этом клубе главная уборщица. Билет-то она нам дала один, а написано на нем: «На два лица»! На мое, значит, лицо и на Мишкино. Мы с ним очень обрадовались, тем более это недалеко от нас, за углом.

Мама сказала:

– Вы только там не балуйтесь.

И дала нам денег, каждому по пятнадцать копеек.

И мы пошли с Мишкой.

Там в раздевалке была страшная толчея и очередь. Мы с Мишкой встали самые последние. Очередь чересчур медленно двигалась. Но вдруг наверху заиграла музыка, и мы с Мишкой заметались из стороны в сторону, чтобы поскорее снять пальто, и многие ребята тоже, как только услышали эту музыку, заметались как подстреленные и даже стали реветь, что они опаздывают на самое интересное.

Но тут откуда ни возьмись выскочила тетя Дуся:

– Дениска с Мишкой! Вы чего там колготитесь-то? Сюда давайте!

И мы побежали к ней, а у нее свой отдельный кабинет под лестницей, там щетки стоят и ведра. Тетя Дуся взяла наши вещи и сказала:

– Здесь и оденетесь, чертенята!

И мы понеслись с Мишкой по лестнице, через ступеньки, наверх. Ну а там действительно было красиво! Ничего не скажешь! Все потолки были увешаны разноцветными бумажными лентами и фонариками, всюду горели красивые лампы из зеркальных осколков, играла музыка, и в толпе ходили наряженные артисты: один играл на трубе, другой – на барабане. Одна тетенька была одета как лошадь, и зайцы тоже были, и кривые зеркала, и петрушка.

А в конце зала была еще одна дверь, и на ней было написано: «Комната аттракционов».

Я спросил:

– Это что такое?

– Это разные затеи.

И правда, там были разные затеи. Например, там висело яблоко на нитке, и надо было заложить руки за спину – и так, без рук, это яблоко грызть. Но оно вертится на нитке и никак не дается. Это очень трудно и даже обидно. Я два раза хватал это яблоко руками и кусал. Но мне не давали его сгрызть, а только смеялись и отнимали. Еще там была стрельба из лука, а на конце стрелы не наконечник, а резиновая нашлапка, она присасывается, и вот, кто попадет в картонку, в центр, где нарисована обезьяна, тому приз – хлопушка с секретом.

Мишка стрелял первый, он долго метился, а когда выстрелил, то разбил одну далекую лампу, а в обезьяну не попал...

Я говорю:

– Эх ты, стрелок!

– Это я еще не пристрелялся! если бы дали пять стрел, я бы пристрелялся. А то дали одну – где тут попасть!

Я повторяю:

– Давай, давай! Гляди-ка, я сейчас же попаду в обезьянку!

И дяденька, который распоряжался этим луком, дал мне стрелу и говорит:

– Ну, стреляй, снайпер!

И сам пошел поправить обезьянку, потому что она как-то покосилась. А я уже прицелился и все ждал, когда он поправит, а лук был очень тугой, и я все время приговаривал: «Сейчас я убью эту обезьянку», – и вдруг стрела сорвалась, и хлоп! Вонзилась дяденьке в лопатку. И там, на лопатке, затрепетала.

Все вокруг захлопали и засмеялись, а дяденька обернулся как ужаленный и закричал:
– Что тут смешного? Не понимаю! уходи, озорник, нет тебе больше никакого лука!

Я сказал:

– Я не нарочно! – и ушел от этого места.

Просто удивительно, как нам не повезло, и я был очень сердитый, и Мишка, конечно, тоже.

И вдруг видим – стоят весы. И к ним небольшая веселая очередь, которая быстро движется, и все тут шутят и хохочут. И около весов клоун.

Я спрашиваю:

– Это что за весы?

А мне говорят:

– Становись, взвешивайся. Если в тебе окажется двадцать пять кило весу, тогда твое счастье. Получишь премию: годовую подписку на журнал «Мурзилка».

Я говорю:

– Мишка, давай попробуем?

Гляжу, а Мишки нет. И куда он подевался, неизвестно. Я решил один попробовать. А вдруг я вешу ровно 25 кило? Вот будет удача!..

А очередь все движется, и клоун в шапке ловко так щелкает рычажками и все шутит да шутит:

– У вас семь кило лишних – меньше кушайте мучного! – Щелк-щелк! – А вы, уважаемый товарищ, еще мало каши ели, и всего-то вы тянете девятнадцать килишек! Заходите через годик. – Щелк-щелк!

И так далее, и все смеются, и отходят, очередь движется, и никто не весит ровно двадцать пять кило, и вот доходит дело до меня.

Я влез на весы – рычажки щелк-щелк, и клоун говорит:

– Ого! Знаешь игру в горячо-холодно?

Я говорю:
– Кто ж не знает!
Он говорит:
– У тебя довольно горячо получилось. Твой вес двадцать четыре кило пятьсот граммов, не хватает ровно полкило. А жаль. Будь здоров!

Подумаешь, всего только полкило не хватает!
У меня совсем настроение испортилось. Вот какой день невезучий!
И тут Мишка появляется.
Я говорю:
– Где это ваша милость пропадает?
Мишка говорит:
– Ситро пил.
Я говорю:
– Хорош, нечего сказать. Я тут стараюсь, «Мурзилку» выигрываю, а он ситро пьет.
И я ему все рассказал. Мишка говорит:
– А ну-ка я!
И клоун щелкнул рычажком и захохотал:
– Небольшой перебор-с! двадцать пять кило пятьсот граммов. Вам надо похудеть. Следующий!

Мишка слез и говорит:
– Эх, зря я ситро пил...
Я говорю:
– А при чем здесь ситро?
А Мишка:
– Я целую бутылку выпил! понимаешь?
Я говорю:
– Ну и что?
Мишка даже разозлился:
– Да разве ты не знаешь, что в бутылке помещается ровно пол-литра воды?
Я говорю:
– Знаю. Ну и что?
Тут Мишка прямо зашипел:
– А пол-литра воды – это и есть полкило. Пятьсот граммов! если бы я не пил, я бы весил ровно двадцать пять кило!

Я говорю:
– Ну да?
Мишка говорит:
– Вот то-то и оно-то!
И тут меня словно осенило.
– Мишка, – сказал я, – а Мишка! «Мурзилка» наш!
Мишка говорит:
– А каким образом?
– А таким. Пришло мое время ситро пить. У меня как раз пятьсот граммов не хватает!
Мишка даже подскочил:
– Все ясно, бежим в буфет!
И мы быстро купили бутылку воды, продавщица ее откупорила, а Мишка спросил:
– Тетя, а в бутылке всегда ровно поллитра, недолива не бывает?
Продавщица покраснела:
– Ты еще маленький такие глупости мне говорить!
Я взял бутылку, сел за столик и начал пить. Мишка стоял рядом и смотрел. Вода была очень холодная. Но я выпил полный стакан просто залпом. Мишка сейчас же налил мне второй, но там еще осталось на дне довольно много, и мне уже не хотелось больше пить.

Мишка сказал:
– Давай не задерживай.

А я сказал:

– Уж очень холодная. Как бы ангину не схватить.

Мишка говорит:

– Ты не будь мнительным. Говори, струсил, да?

Я говорю:

– Это ты, наверно, струсил.

И стал пить второй стакан.

Он довольно трудно в меня лился. Я как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краев.

Я говорю:

– Стоп, Мишка! Больше не войдет!

– Войдет, войдет. Это только так кажется! пей.

Я попробовал. Не лезет.

Мишка говорит:

– Ты чего расселся, как барон! Ты встань, так влезет!

Я встал. И правда, допил стакан каким-то чудом. А Мишка сейчас же налил мне все, что оставалось в бутылке. Получилось больше, чем полстакана.

Я говорю:

– Я сейчас лопну.

Мишка говорит:

– А как же я не лопнул? Я ведь тоже думал, что лопну. Давай поднажми.

– Мишка. Если. Я лопну. Ты. Будешь. Отвечать.

Он говорит:

– Хорошо. Пей давай.

И я опять стал пить. И все выпил. Просто чудеса какие-то! Только я говорить не мог. Потому что вода перелилась уже выше горла и булькала во рту. И понемножку выливалась из носа.

И я побежал к весам. Клоун не узнал меня. Он сделал «щелк-щелк» и вдруг закричал на весь зал:

– Уррра! есть! Точно!!! Тютелька в тютельку. Годовая подписка на «Мурзилку» выиграна. Она досталась мальчику, который весит ровно двадцать пять килограммов. Вот квитанция, сейчас я ее заполню. Похлопаем!

Он взял мою левую руку и поднял ее вверх, и все захлопали, и клоун спел туш¹²! потом он взял вечное перо¹³ сказал:

– Ну! Как тебя зовут? Имя и фамилия? Отвечай!

Но я молчал. Я был наполненный и не мог говорить.

Тут Мишка закричал:

– Его зовут денис. Фамилия Кораблёв! пишите, я его знаю!

Клоун протянул мне заполненную квитанцию и сказал:

– Скажи хоть спасибо!

Я мотнул головой, а Мишка опять закричал:

– Это он говорит «спасибо». Я его знаю!

А клоун говорит:

– Ну и мальчик! Выиграл «Мурзилку», а сам молчит, как будто воды в рот набрал!

А Мишка говорит:

– Не обращайтесь внимания, он застенчивый, я его знаю!

¹² Короткое музыкальное произведение. Исполняется, например, после номера в цирке.

¹³ *Вечное перо* — так раньше называли обычные авторучки.

И он схватил меня за руку и поволок вниз.

И я на улице немножко отдышался. Я сказал:

– Мишка, мне как-то не хочется нести эту подписку домой, раз во мне только двадцать четыре с половиной кило.

А Мишка говорит:

– Тогда отдай мне. Во мне-то аккурат двадцать пять. Если бы я не пил сидро, я бы сразу ее получил. Давай сюда.

– Что ж, я, по-твоему, напрасно страдал? Нет уж, пусть она будет наша общая – напополам!

Тогда Мишка сказал:

– Правильно!

Кот в сапогах

Художник *Ольга Смирнова*

– Мальчики и девочки! – сказала Раиса Ивановна. – Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. – И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу – и гном готов. А ты кем нарядишься?

– Там видно будет.

И я забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вел себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шел снег, и все время я думал, когда же мама вернется. Я зачеркивал клеточки на своем календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

– Идешь ты или нет?

Я спрашиваю:

– Куда?

Мишка кричит:

– Как – куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

– У меня нет костюма! у нас мама уехала.

А Мишка говорит:

– Давай сами чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

– Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы – это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь – первое дело бахилы. Нипочем ноги не промочишь.

Мишка говорит:

– А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

– А шапку какую?

Я говорю:

– Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

– Давай ее скорей!

Достал я шляпу, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но все-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

– Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

– Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

– Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

– Сказал тоже! «Старый рыбак»!.. А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

– Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я – Кот в сапогах! Только жалко, хвоста нет! Я спрашиваю:

– Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

– Разве я очень похожа на черта?

– Нет, не очень, – говорю я. – Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, помогите, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

– Одну минуточку...

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с черными пятнами.

– Вот, – говорит, – это хвост от старой горжетки¹⁴ в последнее время прочищаю им керогаз¹⁵но, думаю, тебе он вполне подойдет.

Я сказал «большое спасибо» и понес хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

– Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг как уколёт меня!

Я закричал:

– Потихе ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьешь прямо по живому? Ведь колешь же!

– Это я немножко не рассчитал! – И опять как кольнет!

– Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

– Я в первый раз в жизни шью!

И опять – коль!..

Я прямо заорал:

– Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

– Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны – длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И еще было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но все время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

– Просим Кота в сапогах выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошел на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Стёпу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошел со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

¹⁴ Маленький меховой шарф.

¹⁵ Плитка для приготовления пищи, работающая на керосине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.